

Г. Грец, В. Шерешевский

**История евреев от
древнейших времен до
настоящего**

Том 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Грец**
История евреев от древнейших времен до настоящего: Том 10 / Г. Грец, В. Шерешевский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 502 с.

ISBN 978-5-458-53003-3

«История евреев с древнейших веков до настоящего времени» – главный труд Генриха Греца, первое систематическое изложение истории евреев как летописи духовной жизни народа.

ISBN 978-5-458-53003-3

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Это было время, когда соединившій въ себѣ безумную смѣлость и слабость король французскій, Карль VIII, привился за выполненіе своего высокомѣрнаго, авантюристскаго плана завоеванія Италии, покоренія Греціи, Уничтоженія турецкаго государства и устройства крестового похода для того, чтобы развеселась по всему свѣту слава французскаго оружія. Однако ему удалось лишь на короткое время, менѣе двухъ лѣтъ (отъ февраля 1495 до конца 1496), завоевать королевство Неаполь, и то болѣе благодаря низости и лицемѣрью итальянскихъ государей, интригамъ самого подлого изъ всѣхъ царей, Александра VI, и ненормальнымъ условіямъ итальянской жизни, чѣмъ благодаря блестящему походу. Но этого короткаго времени было достаточно, чтобы сдѣлать несчастными тѣхъ многочисленныхъ изгнаниковъ, которые, при посредствѣ Арабанела, нашли въ неаполитанскомъ государствѣ убѣжище. „Французская муха“ колола имъ не менѣе чувствительно, чѣмъ „испанскій скорпионъ“. Обращались же французы съ христіанскимъ населеніемъ Неаполя, какъ своеобразная разбойничья шайка; на какую же пощаду могли разсчитывать при такихъ обстоятельствахъ евреи! Какъ голуби при видѣ когтей хищной птицы, такъ разбѣгались еврейскіе изгнанники при видѣ французовъ, если только оставлялось имъ время для спасенія жизни съ потерей всего достоянія. Тѣ, которые устали отъ стравствованія, крестились. Давидъ ибнъ-Яхія потерялъ при этомъ спасенный имъ изъ Португалии остатокъ своего имущества и лишь съ большими трудомъ, продавъ свою драгоценную библиотеку, сумѣлъ перебѣгать на островъ Кофу, а оттуда достичь Арты (Ларты) въ Греціи. Онъ хотѣлъ переселиться въ Турцію, но не могъ добыть ни денегъ на переѣздъ, ни средствъ для проштавленія своей семьи и былъ вынужденъ послать ученому и состоятельному единовѣрцу, Іешаю Месени, письмо съ просьбой объ оказаніи ему помощи въ нуждахъ. Однако Давидъ ибнъ-Яхія могъ, по крайней мѣрѣ, достичь цѣли своихъ стремленій, эльдорадо для несчастныхъ, Турціи и Константинополя, и тамъ спокойно дожить свои дни¹⁾.

Не такъ хорошо было его родственнику, *дону Йосифу ибнъ-Яхія*²⁾, которому пришлось бѣжать изъ Португалии, когда ему было уже 70 лѣтъ отъ рода. Судно, на которомъ онъѣхалъ вмѣстѣ со своими тремя сыновьями, невѣстками, другими родственниками и имуществомъ, раздававшимся, должно быть, почти 100,000 крусадовъ, было заглохнуто въ испанскому берегу. Здѣсь онъѣхалъ со своими близкими долженъ быть преданнымъ сожженію на кострѣ за то, что они осмѣялись, будучи евреями, коснуться испанской почвы. Однако за нихъ вступился португаль-

¹⁾ Т. же.

²⁾ Т. же стр. 14, 26.

скій грандъ, *донъ Алваро де Браганца*, который издавна былъ въ дружбѣ съ Іосифомъ Иахімъ и съ Абрабанеломъ и въ Испаніи нашеівъ убѣжище отъ алчности и деспотизма португальского короля, Іоао II. Донъ Алваро добился отъ испанского двора разрѣшенія семьи Іосифа Иахіма на дальнѣйшее плаваніе. Лишь послѣ пятимѣсячнаго бурнаго морскаго перенѣзда они получили возможность высадиться въ Пизѣ. Но вдѣсь хояйничали тогда французы изъ разбойничихъ шаекъ Карла VIII. Цѣнѣтущая еврейская община Пизы, въ которой сыновья *Iехіела* изъ Пизы (т. IX) такъ много сдѣлали для еврейско-испанскихъ эмигрантовъ, была разграблена, уменьшена и разорена. Донъ Іосифъ и его близкіе были закованы французами въ цѣпіи и посажены въ тюрьму вѣроятно съ цѣлью добыть у нихъ деньги. Одна изъ его невѣстъ, молодая и красавица, бѣжавшая изъ Португаліи въ мужской одеждѣ, будучи беременной, бросилась съ башни вышиною въ 20 локтей внизъ, чтобы не быть вынужденной креститься, но чудеснымъ образомъ осталась вмѣстѣ со своимъ плодомъ невредимой. Цѣнѣнныи Яхімъ получили свободу лишь послѣ отдачи большей части своего имущества въ качествѣ выкупа. Во Флоренції, куда они переселились изъ Пизы, имъ также нельзя было оставаться, потому что этотъ городъ, послѣ ухода французовъ, сдѣлся ареной борьбы дикихъ страстей приверженцевъ политически-церковнаго мечтателя, *Жироламо Савонаролы*, и его противниконъ. Донъ Іосифъ поэтому направился въ Ферару. Сначала онъ былъ очень дружелюбно принятъ герцогомъ этой страны, но позже ему было предъявлено обвиненіе, возбужденное противъ него португальскимъ дворомъ или еврейскими доносчиками, будто онъ своимъ состояніемъ и положеніемъ укрѣплялъ марановъ въ ихъ приверженности къ іудаизму. Это многострадальное семейство Яхімъ было вторично посажено въ тюрьму, откуда оно было освобождено снова лишь при помощи крупной суммы денегъ. Но старый донъ Іосифъ не выдержалъ этихъ мученій и вскорѣ послѣ того умеръ (1498).

Благородное семейство Абрабанеловъ не побѣгло супровыхъ ударовъ и беспокойныхъ скитаній. Отецъ, Исаакъ Абрабанель, занявшій въ Неаполѣ выдающееся положеніе при дворѣ просвѣщенаго короля, *Фердинанда I*, и его сына, *Альфонсо* (т. IX) долженъ былъ, при приближеніи французовъ, покинуть городъ и вмѣстѣ со своимъ королевскимъ покровителемъ искать убѣжища въ Сициліи. Вступившій французскія шайки разграбили въ его домѣ всѣ дорогія вещи и уничтожили очень цѣнную библіотеку, которая для него являлась наибольшей драгоценностью. Послѣ смерти короля Альфонсо, Исаакъ Абрабанель отправился для безопасности на островъ Корфу; однако тамъ оставался только до

хода французовъ изъ Неаполитаній, затѣмъ онъ поселился въ *Монополи* (въ Апуліи), гдѣ разработалъ и переработалъ многія свои сочиненія. Богатства, приобрѣтенные имъ во время службы португальскому и испанскому дворамъ, растаяли, жена и дѣти были оторваны отъ него и разбросаны ¹⁾, а самъ онъ жилъ въ мрачномъ настроеніи, отъ которого его могло оторвать только изученіе священнаго Писания и источниковъ юдаизма. Его самый старшій сынъ, *Легуда Леонъ Медиго Абрабанель*, жилъ въ Генуѣ, гдѣ, несмотря на беспокойную жизнь и глубокую печаль по оторванности отъ него и воспитанномъ въ христіанствѣ въ Португаліи сыну, онъ интересовался идеалами. Леонъ Абрабанель въ дѣйствительности былъ болѣе образованъ, талантливъ и вообще былъ болѣе выдающимся, чѣмъ его отецъ, и заслуживалъ, чтобы къ нему относились съ большими уваженіемъ и не считали простымъ приложеніемъ къ послѣднему. Леонъ Абрабанель занимался медициной лишь какъ источникомъ пропитанія (отсюда его прозвище Медиго), астрономіей же, математикой и метафизикой какъ излюбленными науками. Съ талантливымъ и въ то же время страннымъ *Пико де Мирандола* Леонъ Медиго познакомился и подружился незадолго до смерти послѣднаго.

Леонъ Медиго удивительнымъ образомъ пришелъ въ близкое соприкосновеніе со знакомыми временемъ своей юности, съ испанскими грандами и даже съ самимъ королемъ Фернандо, изгнавшимъ его семью и тысячи другихъ и погибшихъ ихъ на встрѣчу смерти. Онъ былъ лейбъ-медикомъ испанского главнаго капитана, *Гонсалво де Кордова*, завоевателя и вице-короля Неаполя. Мужественный, любезный и щедрый де-Кордова не раздѣлялъ ненависти своего шовелителя къ евреямъ. Еврейской литературѣ онъ даль покровителя въ лицѣ одного изъ своихъ потомковъ. Когда король Фернандо, послѣ завоеванія королевства Неаполя (1504), приказалъ изгнать евреевъ отсюда, какъ изъ Испаніи, главный капитанъ воспрепятствовалъ этому своимъ замѣчаніемъ: въ Неаполитаніи находится всего очень мало евреевъ, такъ какъ большинство пребывшихъ или снова выѣхали, или перешли въ христіанство; изгнаніе этихъ немногихъ принесло бы только вредъ странѣ, потому что они переселились бы въ Венецию и перенесли бы туда свое прилежаніе и свои богатства. Вслѣдствіе этого евреи могли еще вѣкоторое время оставаться въ Неаполитаніи. Но пропавъ иммигрировавшихъ изъ Испаніи и Португаліи марановъ Фернандо приказалъ устроить ужасную инквизицію въ *Беневентъ* ¹⁾). У этого щедраго, умнаго и храбраго главнаго капитана, Гонсалво де-Кордова, Леонъ Медиго въ теченіе двухъ лѣтъ былъ лейбъ-медикомъ (1505 до 1507);

¹⁾ Отвѣтное посланіе Абрабанела къ Сауду Когену, стр. 8 и біографія его составленная Хаскиту.

²⁾ Zurita, *Anales de Aragon V*, стр. 327.

тамъ видѣлъ его король Фернандо при своемъ посѣщеніи Неаполя. Послѣ отъѣзда короля и немилостиваго увольненія вице-короля (июнь 1507), Леонъ Арабабанель, не находя другой подходящей дѣятельности, вернулся къ своему отцу ¹⁾, жившему въ то время въ Венеції.

Второй сынъ Исаака Арабабанела, *Исаакъ II*, проживалъ въ качествѣ врача сначала въ Reggio (Калабрія), а позже въ Венеції, куда онъ вызывалъ также своего отца. Самому младшему сыну, *Самуилу*, который позже сталъ великодушнымъ защитникомъ своихъ единовѣрцевъ, было лучше всего; онъ въ это время пребывалъ подъ тѣнью тихой школы въ Салоникахъ, куда отецъ послалъ его для изученія еврейскихъ знаній ²⁾. Старшій Арабабанель еще разъ вступилъ на политическое поприще. Въ Венеції ему представился случай уладить споръ между португальскимъ дворомъ и венеціанской республикой, возникшій вслѣдствіе устроенныхъ португальцами ость-индскихъ колоній и въ особенности торговли колоніальными товарами. Нѣкоторые вліятельные сенаторы познакомились при этомъ съ правильными политическими и финансовыми взглядами Арабабанела и съ того времени совѣтывались съ нимъ по поводу важныхъ государственныхъ вопросовъ ³⁾). Но его сила была сломлена многочисленными перенесенными страданіями и скитаніями. Еще до семидесятилѣтняго возраста подкралась къ нему дряхлость старческаго возраста. Въ отвѣтномъ посланіи къ одному жаждущему знаній человѣку изъ Кандіи, *Саулу Когену Ашкенази*, ученику и духовному наслѣднику Иліи дель-Медиго (IX т., стр. 200), задавшему ему важные философскіе вопросы, Арабабанель жаловался на возрастающую слабость и старчество ⁴⁾. Это если бъ онъ даже скрылъ, выдали бы его написанная въ то время сочиненія. Головы жертвы испанского фаятизма должны были бы имѣть тѣло изъ желѣза и крѣпость камня, чтобы не пасть подъ напоромъ такихъ страданій.

Ясную картину безпрерывныхъ скитаній еврейско-испанскихъ изгнанниковъ даетъ жизнь одного товарища по несчастью, который, не представляя самъ по себѣ ничего выдающагося, пріобрѣлъ себѣ известность благодаря энергіи, съ которой онъ возбуждалъ упавшую бодрость несчастныхъ. Это былъ дѣятельный посланецъ, любитель книгъ, испанецъ, *Исаакъ бенъ Авраамъ Акришъ* (род. 1489 г., ум. послѣ 1578), которому еврейская литература обязана сохраненіемъ многихъ цѣнныхъ ве-

¹⁾ Арабабанель, отвѣтное посланіе къ Саулу Когену Ашкенази, изд. въ Венеції, въ 1574, стр. 20.

²⁾ Щемъ-Товъ Атіасъ, предисловіе коментарія къ Псалмамъ.

³⁾ Хаскіту, Біографія Арабабанела.

⁴⁾ Отвѣтное посланіе Арабабанела.

щей. Акришъ говорилъ о себѣ полупутя, полусерьезно: онъ, должно быть, родился въ такое время, когда планета Юпитеръ проходила чрезъ знакъ Рыбы зодиака; такое совпаденіе предсказывало, согласно астрологіи, жизнь, полную скитаній; хотя онъ былъ хромъ на обѣ ноги, однако всю свою жизнь онъ провелъ въ странствованіяхъ изъ города въ городъ, по водѣ и на сушѣ. Еще будучи маленькимъ мальчикомъ, Акришъ былъ изгнанъ изъ Испаніи, а въ Неаполѣ его постигли несчастія, которыи, какъ бы составили заговоръ противъ изгнаниковъ. Такъ хромая, онъ шелъ отъ народа къ народу, „языка которыхъ онъ не понималъ и которые не щадили ни стариковъ, ни дѣтей“, пока онъ не нашелъ на нѣсколько лѣтъ спокойное пристанище въ Египтѣ, въ домѣ одного изгваника, добившагося за это время тамъ виднаго положенія. Кто въ состояніи прослѣдѣти за блуждавшими изъ конца въ конецъ изгнаниками съ израненными ногами и еще болѣе истерзанными сердцами, пока они находили гдѣ-либо мѣсто отдохновенія или спокойствіе могилы!

Но именно это неизмѣримо громадное горе, перенесенное ими, подняло сознаніе сефардскихъ евреевъ до высоты, граничащей съ гордостью. Кого десница Божья такъ тяжко, такъ продолжительно покарала, кто такъ неописуемо много страдалъ, тотъ, должно быть, занимаетъ особое положеніе, является особенно избраннымъ—эта мысль или это чувство жили въ большей или меньшей степени ясно въ душѣ всѣхъ уцѣлѣвшихъ. Они смотрѣли на свое изгнаніе изъ Пиренейского полуострова, какъ на третью, а на себя саміхъ, какъ на особенныхъ любимцевъ Бога, которыхъ Онъ, именно благодаря своей большей любви къ нимъ, тѣмъ соровѣе наказалъ. Противъ ожиданія у нихъ наступило повышенное настроеніе, которое, хотя не заставляло забыть перенесенный страданія, придало имъ сіяніе мученичества. Какъ только они хоть немногочувствовали себя свободными отъ тяжести своего ужасного несчастія и могли передохнуть, они снова выпрямлялись и высоко, какъ князья, носили свои головы. Они все потеряли, только не свою испансскую важность, только не свою знатность. Какъ они ви были унижены, ихъ гордость не покидала ихъ, и они проявляли ее повсюду, гдѣ находили покой для своихъ усталыхъ ногъ. Извѣстнымъ образомъ они имѣли на это основаніе. Какъ они ни отстали въ высшихъ наукахъ и теряли свое, въ теченіе столѣтій утвержденное, руководительство со временемъ побѣды враждебнаго знаніемъ строго набожнаго направленія въ іудаизмѣ и со временемъ перенесенного исключенія изъ круговъ общества, они все-таки далеко превосходили евреевъ всѣхъ остальныхъ странъ образованностью, умѣніемъ держаться, а также внутреннимъ содержаніемъ, проявлявшимися въ ихъ вѣшнемъ видѣ и въ ихъ языкахъ. Ихъ любовь къ

своей родинѣ была такъ велика, что она не оставила въ ихъ сердцахъ совершенно мѣста для ненависти, которую они должны были бы читать къ жестокой матери, толкнувшей ихъ въ объятья нищеты. Куда они ви приходили, они основывали, поэтому, испанскія и португальскія колоніі. Они привезли съ собой испанскій языкъ, испанскую знатность и важность въ Африку, европейскую Турцію, Сирію и Палестину, въ Италію и Фландрію; куда они ни были заброшены, повсюду они съ такой любовью берегли и хранили эту испанскую сущность, что она сохранилась живой среди ихъ потомковъ вплоть до настоящаго дня. Будучи очень далеки отъ того, чтобы раствориться въ большинствѣ остальныхъ еврейскихъ жителей странъ, гостепріимно ихъ принявшихъ, они держались особнякомъ отъ своихъ единоплеменниковъ, какъ какая-нибудь высшая порода людей, какъ цѣль и аристократія еврейства; и презрительно смотрѣли на нихъ снегу внизъ и не рѣдко предписывали имъ законы. Это происходило такъ потому, что испанскіе и португальскіе евреи правильно говорили на языкѣ своей родины (ставшемъ благодаря завоеваніямъ и открытию Америки міровымъ языкомъ), принимали участіе въ литературѣ, а вслѣдствіе этого выступали также при сношеніяхъ съ христіанами, какъ равные съ равными, мужественно, безъ страха и раболѣпія. Въ этомъ отношеніи они являлись полной противоположностью нѣмецкихъ евреевъ, которые какъ разъ презирали то, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, т. е. чистый и красивый языкъ, и, наоборотъ, считали благочестіемъ небрежную и тарабарскую рѣчъ, какъ и обособленіе отъ христіанского міра. Се-фардскіе евреи вообще придавали большое значеніе красивой формѣ, изящной одеждѣ, роскоши въ синагогахъ, а также средствамъ обмына мыслей. Раввины испанскихъ и португальскихъ евреевъ читали свои проповѣди на своеемъ языкѣ и придавали большое значеніе чистому и благозвучному произношенію. Поэтому ихъ языкъ никогда, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка послѣ ихъ изгнанія, не вырождался въ уродливый жаргонъ. Христіанскій писатель¹⁾, почти черезъ полстолѣтія послѣ ихъ изгнанія, такъ писалъ о нихъ: „Въ Салоникахъ, Константинополѣ, Александриї, Каирѣ, Венеции и другихъ торговыхъ пунктахъ евреи ведутъ свои дѣла только на испанскомъ языкѣ; я зналъ евреевъ изъ Салоникъ, которые, несмотря на свою юность, такъ же хорошо или еще лучше, чѣмъ я, говорили на кастильскомъ нарѣчіи“.

Даже кроткій и уже надломленный Исаакъ Абраамель презрительно отзывался о нѣмецкихъ евреяхъ изъ-за ихъ варварскаго смѣшного языка. Онь былъ прямо пораженъ, найдя въ посланіи выходца изъ Генуи, Саула Когена изъ Кандіи, весьма искусный (еврейскій)

¹⁾ Gonsalvo de Illescas.

языкъ и очень правильное расположение мыслей и откровенно высказалъ свое удивление: „я пораженъ, встрѣчая такой правильный языкъ среди нѣмцевъ (евреевъ), который рѣдокъ даже въ устахъ изъ великихъ людей и равиновъ, какъ бы они ни были высоки въ остальныхъ отношеніяхъ. Ихъ языкъ полонъ неуклюжести и бестолковости, одно сплошное заиканіе“ ¹⁾). Это превосходство евреевъ испанского и португальского происхожденія въ прославленности, умѣніи держаться, манерахъ и свѣтской опытности вызывало свое удивление и признаніе со стороны остальныхъ евреевъ, въ частности изъ немецкихъ, съ которыми они повсюду встрѣчались. Поэтому тѣ могли позволить себѣ повсюду играть роль господъ и часто, несмотря на свою малочисленность, повелѣвать большинствомъ въ общинахъ. Въ вѣкѣ, слѣдовавшемъ за ихъ изгнаніемъ, почти исключительно они являлись носителями историческихъ событий, повсюду слышны имена ихъ руководителей; они доставляли равиновъ, писателей, мыслителей и мечтателей, въ то время, какъ измѣцкие и итальянскіе евреи занимали тогда скромное мѣстечко. Сефардскіе евреи стали задавать тонъ во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Германіи и Польши, куда они никогда или лишь въ одиночку проникали.

Приморская полоса съверной Африки и населенная часть внутри страны были переполнены евреями испанского происхожденія, которые скопились тутъ въ большомъ числѣ въ кѣи великихъ гоненій съ 1391 года до полнаго изгнанія. Отъ Сафи (Асафи), самого крайняго города юго-запада Мароко, до Триполи на съверо-востокѣ расположились многія большія и малыя общины испанскихъ евреевъ. Хотя малые варварскіе тираны и низкое маврское населеніе большей частью неизвѣдѣли ихъ, обращались съ ними по произволу и часто заставляли ихъ носить поворящую одежду, тѣмъ не менѣе тамъ оставалось достаточное поощреніе для того, чтобы способные, выдающіеся евреи могли отличиться, достичь высокаго положенія и пріобрѣсти обширный кругъ вліянія. Въ Мароко одинъ богатый и смѣдущій въ истории евреѣй, оказавшій правителью этого государства значительныя услуги, пользовался большими его уваженіемъ ²⁾). Въ Фециѣ, въ которой бѣглецы изъ Испаніи прибыли массами, несмотря на голодъ и чуму, уничтожившіе тысячи изъ нихъ ³⁾), существовала всетаки община въ 5000 еврейскихъ семействъ, въ рукахъ которыхъ находо-

¹⁾ Отвѣтное посланіе Абрабанела къ Сауду Когену: לשׁון בְּ יִכּוֹן בַּאֲרָץ אֲשֶׁר־יֵשְׁבָה מִזְרָחָה וְלֹא בְּדִין הַחֲזָבָה, וְלֹא בְּדִין הַמִּשְׁמָרָתָה וְלֹא בְּדִין הַמִּשְׁמָנָה. תְּהִלָּת לְשׁוֹנוֹם עַמְּלָה, נְלֻעֵג לְשׁוֹן אַיִן בִּיכָּה.

²⁾ Leo Africanus, Africæ descriptio кн. II, № 45, стр. 105.

³⁾ Авраамъ б.-Соломонъ изъ Терутеля.

лось большинство ремесль¹⁾). Здѣсь жилъ еврей испанского происхождѣнія, *Самуилъ Алваленсі*, должно быть, внукъ равина того же имени²⁾), бывшій очень любимъ королемъ за свои способности и мужество и пользовался такимъ довѣріемъ населенія, что оно выбрало его своимъ вождемъ. Въ борьбѣ двухъ правящихъ семействъ, *мериносовъ* и *ксерифовъ*, онъ сталъ на сторону первого, повелъ 1400 человѣкъ, евреевъ и мавровъ, противъ приверженцевъ другого и разбилъ ихъ на голову при Цеутѣ³⁾). Въ столичномъ городѣ, *Тлемсенѣ* (Тремсенѣ), очень значительная еврейская община испанского происхождѣнія занимала его большую часть⁴⁾). Сюда прибылъ послѣ бѣгства изъ Испаніи восемнадцатилѣтній *Яковъ Беравъ* (род. 1474, ум. 1541), одинъ изъ дѣятельѣшьшихъ людей среди испанскихъ выходцевъ, самый остроумный, послѣ своего нѣмецкаго тезки, *Якова Полака*, равинъ своего времени, но въ то же время упрямый, неуступчивый и несносный человѣкъ, имѣвшій многихъ противниковъ, хотя и многихъ почитателей. Родившись въ *Македонѣ* около Толеды, Яковъ Беравъ среди многихъ опасностей, терпя вижду, голодъ и жажду, прибылъ въ Тлемсенъ, а оттуда направился въ Фецъ, община которого избрала его, бѣднаго юношу, за его ученость и остроуміе своимъ равиномъ. Тамъ онъ руководилъ школой, пока фанатические испанцы не сдѣлали завоеванія въ сѣверной Африкѣ и не нарушили покой тихаго убѣжища тамошнихъ евреевъ.

Въ Алжирѣ, во главѣ уже уменьшившейся общины стоялъ потомокъ испанскихъ бѣглецовъ 1391 года, *Симонъ Дуранъ II* (род. 1439, ум. послѣ 1510), сынъ философски образованнаго равина, *Соломона Дурана* (IX т., стр. 84), преемникъ по равинату своего умершаго брата, *Цемаха Дурана II*. Въ свое время онъ, подобно своему брату, считался выдающимся равинскимъ авторитетомъ, и къ немъ изъ многихъ мѣстъ поступали запросы. Такого же благороднаго образа мыслей, какъ и его отецъ, Симонъ Дуранъ являлся защитой для своихъ единовѣрцевъ и якоремъ спасенія для испанскихъ изгнанниковъ, заброшенныхъ въ мѣста близъ его мѣстожительства; тамъ, гдѣ нужно было отстоять религіозность и нравственность или спасти своихъ единоплеменниковъ, ему не страшны были ни денежная потеря, ни смертельныя опасности. Пятьдесятъ евреевъ, заброшенные бѣглецы, потерпѣвшіе кораблекрушение, были выброшены на берегъ около Севильи; фанатические испанцы, согласно буквѣ эдикта, посадили ихъ въ тюрьму и держали тамъ въ теченіе двухъ

¹⁾ Leo Africanus III № 52 стр. 243.

²⁾ T. IX.

³⁾ Эмануилъ Авоавъ, Nomologia str. 305.

⁴⁾ Leo Africanus т. же IV № 10, стр. 334: Авраамъ Гависонъ, Omer ha-Schikeba стр. 29.

лѣтъ. Каждый день евреи ждали смерти; однако подъ конецъ они были все-таки помилованы, т. е. проданы въ рабство. Въ ужаснѣйшемъ состояніи они прибыли въ Алжиръ, гдѣ, благодаря стараніямъ Симона Дурана, ихъ выкупили за 700 дукатовъ, собранныхъ маленькой общиной. Страсть къ завоеваніямъ и фанатизмъ испанцевъ отравили его старость и привнесли евреямъ нѣкоторыхъ городовъ съверной Африки новые бѣдствія. Послѣ того, какъ кардиналъ *Ксіменесъ*, третій великий инквизиторъ, основатель университета въ Алкаль и творецъ мрачнаго ужаснаго деспотизма въ Испаніи, завоевалъ крестомъ и мечемъ городъ Оранъ (еврей, говорить, помогъ ему въ роли шпиона), лавры его не давали спать завистливому королю, Фердинанду Католику. Онъ послалъ флотъ подъ начальствомъ фельдмаршала *Педро Навары* для завоеванія королевствъ Бугія и Туниса. Городъ Бугія послѣ двухнедѣльной осады былъ взятъ (31 января 1510) и разграбленъ; жители разбрѣжались во все стороны отъ угрожавшей опасности. Евреямъ этого города стало отъ этого довольно скверно¹⁾; тѣ, кто не бѣжалъ, пошли въ плѣнъ, иельзя было завидовать имъ участіи въ рукахъ испанскихъ солдатъ, превратившихся подъ вліяніемъ инквизиціи въ кровопійцъ. Какъ только извѣстіе о взятіи Бугія пришло въ Алжиръ, еврейскіе жители, какъ и весь городъ, пришли въ трепетъ отъ неизбѣжно угрожавшей имъ опасности и многіе изъ нихъ искали спасенія въ бѣгствѣ. Достигшій уже 72-хлѣтнаго возраста старикъ Симонъ Дуранъ тащился изъ села въ село и думалъ переселиться во вдали лежавшую Алмадію. Однако все сошло не такъ плохо; жители Алжира добровольно покорились, присягнули на вѣрность испанскому королю и обѣщали платить ежегодную дань. Жизнь евреевъ была пощажена; но они должны были, какъ военно-плѣнныя, уплатить цѣлостною выкупную сумму магометанскому населенію²⁾. Община *Триполи* (Тараблуса) въ съверной Африкѣ, насчитывавшая болѣе восьмисотъ семействъ, въ то же самое время въ большинствѣ попала въ плѣнъ³⁾.

Евреямъ Туниса было не лучше, такъ какъ и этотъ городъ былъ вынужденъ капитулировать предъ Педро Наварой. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находили убѣжище два выдающихся испанскихъ еврея: одинъ, историкъ и астрономъ *Авраамъ Закутъ*, стоявшій уже на закатѣ своей жизни, другой, болѣе молодой человѣкъ, *Моисей Алашкаръ*. Закутъ, имѣвшій уже на Шренейскомъ полуостровѣ школу съ христіански-

¹⁾ Іосифъ Когенъ, хроника стр. 54, *Emek ha-Bacha* стр. 39, респонсы Монсея Алашкара № 39.

²⁾ *Zurita Anales de Aragon VI*, стр. 9.

³⁾ Іосифъ Когенъ въ ук. и. Респонсы Якова Берава № 56. Респ. Леви б.-Хавій стр. 318. Респ. Монсея Алашкара № 6.

ми и магометанскими учениками по математикѣ и астрономіи, сочиненія котораго, будучи отпечатанными, многократно читались и употреблялись, былъ между тѣмъ вынужденъ скитаться, какъ ссылочный, и лишь съ трудомъ избѣгъ смерти. Въ Тунисѣ онъ прожалъ, кажется, вѣсколько спокойныхъ лѣтъ и здѣсь онъ закончилъ свою болѣе знаменитую, тѣмъ пригодную для пользованія, хронику. Ее слѣдуетъ называть не историческимъ трудомъ (*Sefer Iochasin* 1504), а очеркомъ еврейской исторіи и скорѣе исторіи литературы. Приложеніемъ къ ней былъ ежегодникъ всеобщей исторіи. Трудъ Закуты имѣть только ту заслугу, что онъ возвбудилъ среди евреевъ изслѣдованіе исторіи; онъ очень далекъ какъ отъ художественнаго плана, такъ и отъ полноты. Онъ прямо безпорядочно собралъ свѣдѣнія изъ доступныхъ ему сочиненій. Даже исторію своей эпохи, страданія испанскихъ и португальскихъ евреевъ, Закута не изложилъ ни полностью, ни въ порядкѣ краткаго обзора. Его хронологическая данныя тоже не всегда надежны. Но хроника Закуты была плодомъ старости и несчастія; онъ написалъ ее дрожащею рукой и сердцемъ, полнымъ страха за ближайшее будущее, не имѣя въ достаточномъ количествѣ литературныхъ пособій, и постольку онъ заслуживаетъ снисхожденія.

Одновременно съ Закутой въ Тунисѣ жилъ *Моисей бенъ Исаакъ Алашкаръ* (Ашакаръ род. 1470 г., умеръ между 1532 и 1538 год.), который прежде былъ въ Цаморѣ, при изгнаніи евреевъ изъ Испаніи пошалъ въ плѣнъ и чуть было не погибъ въ морскихъ волнахъ. Алашкаръ былъ остроумнымъ талмудистомъ, какъ его рано умершій учитель, Самуилъ *Алваленси*, здравомыслящимъ человѣкомъ безъ узкой односторонности. Онъ съ одной стороны погружался въ темные лабиринты кабалы, а съ другой обращалъ свои взоры къ свѣтлымъ высотамъ философіи. Такая связь двухъ исключающихъ другъ-друга возврѣній была тогда еще возможна. Алашкаръ пошелъ такъ далеко, что взялъ подъ свою защиту Маймонида и его философскую систему противъ нападокъ осуждавшихъ его мракобѣсовъ.

Отъ страха, наведенного на сѣверо-африканскихъ евреевъ испанскимъ оружіемъ, Закута и Алашкаръ вмѣстѣ со многими другими оставили, кажется, Тунисъ. Они уже въ достаточной степени познакомились съ не-человѣческимъ отношеніемъ ультракатолическихъ испанцевъ къ евреямъ. Первый переселился въ Турцию и, кажется, вскорѣ послѣ этого сошелъ въ могилу (раньше 1515 г.). Алашкаръ уѣхалъ въ Египетъ, гдѣ, благодаря своимъ многостороннимъ знаніямъ и богатству, занялъ видное положеніе.

Въ Египтѣ, именно въ главномъ городѣ его, Каирѣ, также собрались много еврейско-испанскихъ бѣглецовъ и пріобрѣли въ короткое время